

Блокадная школа глазами учителя истории К.В. Ползиковой-Рубец

В Мемориальном комплексе Пискаревского кладбища несколько лет назад была установлена мемориальная доска «Блокадная парта». В граните памятной плиты высечены слова: «Учителям и школьникам блокады, поправшим смерть и свершившим подвиг на века». Инициатором создания этого памятника были учащиеся 144-й средней школы Санкт-Петербурга. Учителя и ученики моей школы тоже учили и учились в блокаду. Значит это и их подвиг, это о них память. Вот об этом я и хочу рассказать.

В сентябре 1941 года под Ленинградом шли тяжелые бои. 8 сентября замкнулось кольцо блокады. Массовая эвакуация прекратилась, а в осажденном городе осталось около 400 тысяч детей школьного и дошкольного возраста. Несмотря на суровые блокадные условия, Ленинградский городской комитет партии и городской Совет депутатов трудящихся приняли решение о необходимости продолжить обучение детей. В документах приводятся такие статистические данные: в конце октября 1941 года 60 тысяч школьников первых-шестых классов приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели более 30 тысяч учащихся старших классов. Общее число детей, приступивших к занятиям в блокадном городе, составляло менее четверти довоенного количества ленинградских школьников.

Многие школы были объединены, а в школьных зданиях были развернуты эвакуогоспитали. Наша школа во время блокады вошла в состав объединенной 239 школы, которая работала по адресу Адмиралтейский проспект, 12 (в доме Лобанова-Ростовского).

Прочитать военную страницу истории моей Второй Санкт-Петербургской Гимназии помогают воспоминания блокадной учительницы Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец. В Музее нашей Гимназии хранятся ее книги «Они учились в Ленинграде» и «Дневник учителя блокадной школы». Ее книги для нашей Гимназии – то же, что для миллионов россиян воспоминания их родителей, бабушек и дедушек о войне.

Дневниковые записи помогают нам воссоздать ту обстановку, в условиях которой жила наша школа во время блокады, когда даже выжить было подвигом, а продолжать еще и учиться – было подвигом вдвойне. Занятия проходили в необычной обстановке. Часто во время урока раздавался вой сирены, возвещавшей об очередной бомбежке или артобстреле. Ученики быстро и организованно спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались. Каждый учитель обычно имел два плана урока: один – для работы в нормальных условиях, другой – на случай артобстрела или бомбежки. Бывали такие дни, что только и проходило время в спусках и подъемах из бомбоубежища. Когда тревоги затягивались, в бомбоубежищах читали газеты, проводили политинформации, рассказывали сказки. Дети хотели есть, начинали говорить о еде. По воспоминаниям К.В. Ползиковой-Рубец: «Я с этим всячески боролась, грозила штрафовать корочками хлеба. Убежища нас очень сблизили с детьми...»

Обучение проводилось по сокращенному учебному плану, в который были включены только основные предметы. Учителя стремились проводить занятия с учащимися как можно более интересно и содержательно. «К урокам готовлюсь по-новому, – писала осенью 1941 года в своем дневнике К.В. Ползикова-Рубец. – Ничего лишнего, скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь

выучить их в классе. Не ведем никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя».

Сначала в некоторых классах было по 30 человек. С каждым днем все меньше и меньше детей приходило в школу. Спустя некоторое время в классах было по 7-8 человек, те, которые были в силах заниматься. Но отличных и хороших отметок было больше, чем посредственных. Трудно представить, как ребятам удавалось хорошо учиться в таких условиях. Голодная смерть ежедневно уносила новые жизни. Не было электричества, встали трамваи, замерз водопровод. Учителя и ученики сами добывали топливо, возили на санках воду. К. В. Ползикова-Рубец пишет: «...в бомбоубежище так холодно, что заниматься стало невозможно. 29 ноября снаряд, упавший перед школой, причинил ей огромные беды. Большинство окон оказалось без стекол, а на улице мороз... В них такие щели, что ясно слышны скрип валенок по снегу и разговоры проходящих под окнами. Заниматься в классах первого этажа невозможно...».

Трудно даже поверить, что в осажденном городе в школе была елка. «Посередине зала высилась огромная пушистая елка, очень нарядно украшенная, но не освещенная, так как электричества уже не было. Но, говоря правду, ребята мало интересовались елкой: все ждали подарков и спрашивали: «Скоро ли обед?»... Обед нас привел в восторг, но многие ребята говорили: «Вот если бы дали четыре таких обеда! А затем пакетики со сладостями, в них печенье, курага, конфеты! Полный восторг!». А после учебного года были экзамены. Его результаты удивляют: «...7-й класс особенно хорошо выдержал испытания: на двадцать четыре ученика пришлась сорок одна отметка «отлично»... Всем оканчивающим 7-е и 10-е классы решено выдать особое удостоверение-благодарность «за успешное окончание средней школы в условиях военного времени»... Всем отличникам дарят книги с надписью: «За отличное поведение и учение в Ленинграде в дни его блокады». После окончания занятий в школе школьники отправились на полевые работы в колхозы и подсобные хозяйства. Летом 1942 года летний трудовой лагерь 239 школы находился на железнодорожной станции Пери, а летом 1943 года - на железнодорожной станции Ольгино. Работали на прополке овощей. Норма была очень высокая: 120 кв. м для детей и 300 кв. м для взрослых.

В здание на Казанской, 27 школа вернулась только в январе 1946 года.

Моя школа в годы блокады Ленинграда помогла и детям, и взрослым не упасть духом, сохранить веру в победу, веру в жизнь. Они стояли рядом – учителя и ученики...

(Анна Степанова)